

DOI: 10.31696/S086919080034119-7

МОСХИОН И АФИНОПОЛИД, СЫНОВЬЯ КИДИМА – ЗНАТНАЯ СЕМЬЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПРИЕНЫ
В КОНЦЕ II в. до н.э.

© 2025

А.А. АНТОНОВ ^a^a – СПбГПМУ, Санкт-Петербург, Россия

ORCID: 0000-0003-0098-3580; antonov.history@yandex.ru

Резюме: Статья посвящена деятельности двух выдающихся граждан малоазийского полиса Приена в конце II в. до н.э. – Мосхиона и Афинополида, известных из почётных декретов I. Priene² 63–64. Их жизнь пришлась на период заката царства Атталидов и утверждения римской власти в Малой Азии. В это время в общественной и политической жизни эллинистических полисов первую роль начинают играть богатые и влиятельные граждане, которые посредством благотворительности зарабатывают себе политическое влияние. Таким каноничным эвергетом в научной литературе принято считать в научной литературе Мосхиона из Приены; его брат Афинополид менее известен. В статье предпринимается попытка комплексного исследования деятельности двух братьев – описание их политической карьеры, подсчёт даров городу, оценка состояния, поиск источников богатства, семейные связи с другими родами полиса. Исследование показывает, что совокупные траты братьев составляют 4,8 таланта – это большое состояние по меркам маленького города Приены, но небольшое по сравнению с богатствами царей. Следовательно, состояние братьев было для сограждан большим, но не запредельным. Наиболее вероятные источники богатства семьи – доходы от сельскохозяйственных поместий и торговля, на что может указывать путешествие Мосхиона в Петру в Аравии. Кроме того, Афинополид благодаря должности жреца Диониса Флеоса и через брачные связи контролировал часть культовой жизни Приены – его сын унаследовал жреческую должность, жена сына и дочь Афинополида были жрицами Афины Полиады, а отец невестки, Пифотим, занимал должность агонифета Диониса. Анализ деятельности Мосхиона подтверждает тезис В. Тарна о том, что эвергеты хотели не платить полису налоги, а давать деньги по своему желанию. Намечается тенденция, при которой эвергет выделяет деньги не в связи с исполнением магистратуры, а отдельно от государственных должностей.

Ключевые слова: эвергетизм, эллинизм, полис, Малая Азия, Приена

Для цитирования: Антонов А.А. Мосхион и Афинополид, сыновья Кидима – знатная семья в политической и общественной жизни Приены в конце II в. до н.э. *Восток (Oriens)*. 2025. № 4. С. 48–58. DOI: 10.31696/S086919080034119-7

MOSCHION AND ATHENOPOLIS, THE SONS OF KYDIMOS –
A NOBLE FAMILY IN THE POLITICAL AND PUBLIC LIFE OF PRIENE
IN THE LATE 2nd CENTURY BC

© 2025

Alexander A. ANTONOV ^a^a – SPbSPMU, Saint Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0003-0098-3580; antonov.history@yandex.ru

Abstract: *The article is dedicated to the life and achievements of two prominent citizens of Priene in the late 2nd century BC – Moschion and Athenopolis, known from the honourable decrees I. Priene² 63–64. They lived in the era of decline of the Attalid kingdom and the establishment of Roman rule. During this period, wealthy and powerful citizens began to play the first role in the public and political life of a Hellenistic polis, gaining political influence through philanthropy. One of the most famous examples of such euergetes in the scholarly literature is Moschion of Priene. His brother Athenopolis is generally less well known. This article is an attempt a complex study of the two brothers' accomplishments – description of their political careers, assessment of their gifts to the polis, estimation of their wealth and indication of its sources, and family connections with other clans of the polis. The study shows that the combined expenses of the brothers totaled 4.8 talents – a large wealth by the standards of Priene, but small compared to the wealth of the kings. Consequently, fellow citizens viewed the wealth of the brothers as large, but not prohibitive. Besides, Athenopolis, serving as a priest of Dionysus and gaining authority through matrimonial relations, controlled a part of Priene's cult life and transferred this office to his son. The analysis of Moschion and Athenopolis' activities confirms W. Tarn's thesis that euergetes did not want to pay taxes to a polis, but rather to give money as they wished.*

Keywords: euergetism, Hellenism, polis, Asia Minor, Priene

For citation: Antonov A.A. Moschion and Athenopolis, the sons of Kydimos – A Noble Family in the Political and Public Life of Priene in the Late 2nd Century BC. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 4. Pp. 48–58. DOI: 10.31696/S086919080034119-7

Социальная жизнь эллинистического полиса активно изучается с начала XX в. Один из основоположников изучения эллинистической истории В. Тарн постулировал доминирование богатых и влиятельных эвергетов в жизни эллинистического полиса следующими словами: «Такие люди, как Протоген в Ольвии, Менас в Сесте, Мосхион в Приене, кажется, едва ли не несут город на своих плечах» [Тарн В., 1949, с. 115]. Упомянутый в отрывке Мосхион (вместе с братом Афинополидом) находится в центре внимания исследователей эпохи эллинизма с момента публикации надписей Приены в 1906 году. Ввиду особой информативности декрета в честь Мосхиона (I. Priene 108 / I. Priene² 64), он упоминается практически в каждом исследовании социальной и экономической истории эллинизма: например, в «Социально-экономической истории» М.И. Ростовцева [Rostovtzeff, 1941, vol. 2, p. 805–806, 809], в работах П. Вена [Veyne, 1990, p. 99, 106], Л. Мижо [Migeotte, 1984], Ф. Готье [Gauthier, 1985], Ф. Квасса [Quaß, 1993, S. 244, 293–294], С. Дмитриева [Dmitriev, 2005, p. 39, 42–43], Ф.Р. Форстера [Forster, 2018, S. 288–289] и др. Среди отечественных исследователей к эвергетической биографии Мосхиона обращался А.Г. Грушевой [Грушевой, 2017, с. 117–119]. Особенно важны комментарии авторов двух изданий надписей Приены – профессора Берлинского Университета Фридриха Хиллера фон

Гертринген, который в 1906 году издал большой том надписей “Die Inschriften von Priene” [Hiller von Gaertringen, 1906], и коллектива авторов в лице В. Блюмель, Р. Меркельбаха и Ф. Румшайда, переиздавших надписи в 2014 году [Blümel et al. 2014]. Однако исследователи обычно ограничиваются анализом каких-то отдельных аспектов деятельности Мосхиона, не предпринимая попытки комплексного анализа сведений, содержащихся в декрете. Этот пробел призвана закрыть статья, целью которой является изучение деятельности Мосхиона в контексте внешнеполитической истории Приены, экономической ситуации в полисе, семейных связей эвергета и других важных для понимания деталей.

В середине II в. до н.э. Приена была свободным, автономным полисом – этот статус она получила от Александра Великого¹, его позже подтверждали другие эллинистические монархи, а также римляне при подписании Апамейского мира. Оказавшись в зоне влияния пергамских царей, приенцы смогли повести себя независимо, когда царь Каппадокии Ариарат V потребовал от них сдать казну Ороферна, его противника в войне за царство. Несмотря на то, что Ариарат состоял в родственной связи с царём Пергама, граждане Приены отказали ему и выдержали вторжение на свою землю каппадокийских войск и осаду города. Конфликт решило лишь вмешательство Рима (*Polyb.* XXXIII. 6; *Diod.* XXXI. 32; *I. Priene*² 11).

Конфликт Приены с Ариаратом датируется 156/55 г. до н.э. [Blümel et al., 2014, S. 29]. На этот сложный период приходятся годы жизни и активной деятельности Мосхиона и Афинополида, имена которых были увековечены благодарными согражданами на камне, что сохранило память о них до наших дней и дало бесценный материал о внутренней жизни и внешней политике Приены (*I. Priene* 107–108 / *I. Priene*² 63–64). Декреты были приняты около 130 г. до н.э., венчая многолетнюю деятельность братьев на благо полиса, когда они достигли преклонных лет. В декрете в честь Мосхиона есть повреждённое упоминание о военных действиях (*I. Priene*² 64, сткк. 150–153) – возможно, это была война с Ариаратом – и последовавшем затем посольстве к Деметрию I (правил до 150 г. до н.э.). Это даёт нам хронологическую привязку посольства к 155-му году, а до этих событий в хронологическом порядке перечисляются финансовые благодеяния Мосхиона с братом на протяжении нескольких лет (благодеяния датируются по годам, названным по стефанефору – магистрату-эпониму, всего можно насчитать десять годов). Если от 155-го года отсчитать как минимум десять лет, то начало общественной деятельности Афинополида и Мосхиона приходится на середину 60-х гг. II в. до н.э. От этого времени можно отсчитать около тридцать лет (время наступления политической зрелости для древнего грека) – до середины 90-х гг., чтобы составить приблизительное представление о том, когда братья родились.

Первого декрета был удостоен Афинополид (*I. Priene* 107 / *I. Priene*² 63), согласно издателям, накануне 130 г. до н.э. Декрет лаконичен и содержит общие формулировки о добродетели гражданина. Вторым почётным декрета был удостоен Мосхион (*I. Priene* 108 / *I. Priene*² 64) – вскоре после 130 г. до н.э. Надпись отличается подробным изложением всех благодеяний Мосхиона и обилием похвал в адрес его добродетели.

Структура декрета в честь Мосхиона, по мнению Ф.Р. Форстера, построена тематически, как это было принято в литературных биографиях: первая часть посвящена финансовому эвергетизму, дарению денег; вторая часть – внешнеполитической деятельности, совершению посольств; третья часть посвящена исполнению государственных должностей [Forster, 2018, S. 288–289].

Первое своё деяние Мосхион совершил вместе с братом, когда был избран феором, освободив народ от поставок хлеба, – имя стефанефора этого года не сохранилось (сткк. 25–28).

¹ αὐτόνομους εἶναι καὶ ἐλευθέρους ἔχοντας (*I. Priene* 12. 3–5).

В стефанефорию Телона Мосхион с братом внесли проэйсфору суммой 1000 драхм на текущие нужды, а также пожертвовали 3000 драхм на строительство гимнасия (сткк. 30–41) – по мнению авторов второго издания надписей, речь идёт о т.н. «нижнем гимнасии» (κατὰ πόνιν, сткк. 112), который находился в самой нижней части города, раскинувшегося на склоне горы [Blümel et al., 2014, S. 148]. Кроме того, Мосхион в тот же год пожертвовал 200 медимнов зерна в общественный фонд во время хлебного кризиса (сткк. 42–47). В стефанефорию филы Гиппофонтida² Мосхион с братом первыми внесли в казну полиса проэйсфору, чрезвычайный налог, в размере более 1000 драхм – число полустёрто (сткк. 50–54). В стефанефорию Гераклита Мосхион с братом жертвуют зерно во время очередного продовольственного кризиса (сткк. 50–60). Далее идёт сильно испорченный текст (сткк. 62–67) – неизвестно, в чей год Мосхиону с братом пришлось дать Приене 1000 драхм. В стефанефорию Геродота Мосхион помогает городу в решении проблемы нехватки хлеба и участвует в восстановлении святилища Александра Великого (сткк. 60–75). В стефанефорию филы Эантида Мосхион даёт полису 1000 драхм на текущие нужды (сткк. 79–80). Когда в стефанефорию филы Кекропида в Приене, неизвестный кредитор потребовал деньги и залог, и Мосхион принимает участие в его решении этого дела: считая, что частное имущество должно быть общим достоянием всех граждан (διαλαβὸν κοινὴν εἶναι τὴν οὐσίαν πάντων τῶν πολιτῶν; сткк. 91–92), он внёс в казну 1000 драхм³ и заложил серебряные сосуды стоимостью в 4000 драхм для обеспечения залога. Но и на этом Мосхион не ограничился, пожертвовав городу 550 медимнов зерна (сткк. 89–101). В стефанефорию Сота перед Приеной встала необходимость выплатить проценты «ионийцам», под которыми следует понимать Ионийский союз, и расходы на себя взяли Мосхион с братом, пожертвовавшие 2158 драхм Александра и 40 оболов. Л. Мижо предполагает, что это могли быть как результат займа у союза – либо проценты по просроченным, либо проценты по текущим платежам. Возможно, имелись ввиду взносы в союзную казну [Migeotte, 1984, p. 297]. Дополнительно Мосхион оплатил за полис цену хлеба размером в 1200 драхм (сткк. 102–111). В это же время Мосхион снова вернулся к строительству нового гимнасия. В тексте говорится, что цари давали обещания построить его, но в результате каких-то перемен так и не сделали этого (сткк. 111–117). Ф. Квасс указывает на то, что это было связано со сменой власти в Приене [Quaß, 1993, S. 199], в то время как авторы второго издания в предлагаемом ими переводе надписи понимают под μετέπλωσις различные проблемы, превратности судьбы, с которыми сталкивались цари [Blümel et al., 2014, S. 137]. Подсчёт переданных Мосхионом полису денег даёт сумму в 11 463 драхм, куда включены 1000 (или 2000) драхм проэйсфоры, которые полис должен был вернуть. Заложенные серебряные сосуды, полагается, были возвращены Мосхиону.

Следующая, вторая часть декрета посвящена дипломатической деятельности Мосхиона. Возможно, она хронологически продолжает предшествующую часть, а не является отдельным тематическим блоком. В плохо сохранившейся части есть фрагмент с упоминанием римлян (стк. 145). Далее текст продолжается на хорошо сохранившейся стеле, где из 150–152 строк мы узнаём, что Мосхион находился вместе с войском граждан, обеспечивая им жалование из своих средств в порядке исполнения хорегии. Возможно, этот эпизод относится к войне Ариарата V и Эвмена II против Приены в 155 г. до н.э.⁴ В плохо сохранившейся части упоминаются римляне – возможно, Мосхион входил в состав посольства в Рим, о котором говорит Полибий (XXXIII. 6). Сразу после этого указаны совершённые за свой счёт

² Дословно: «в стефанефорию Гиппофонта». Таким образом, герой-эпоним филы номинально исполнял должность стефанефора. Расходы, связанные с этой должностью, нёс коллектив филы.

³ Л. Мижо восстанавливает εἰσφέρειν как προεἰσφέρειν, что означает внесение в казну проэйсфоры [Migeotte, 1984, p. 296].

⁴ Эту точку зрения разделяет Ф. Квасс [Quaß, 1993, S. 91].

посольства Мосхиона к царям Деметрию и Деметрию, сыну Деметрия (сткк. 153–157) – речь идёт о Деметрии I (162–150 гг. до н.э.) и Деметрии II (145–140 гг. до н.э.) из династии Селевкидов. Можно допустить, что посольство Мосхиона к Деметрию I, правившему до 150 года, состоялось после осады Приены⁵ – посланник Приены мог просить дипломатической или финансовой помощи. Поездки ко двору Деметрия II имели место позднее – здесь декрет отступает от хронологического принципа изложения. Мосхион совершал поездки в качестве феора, священного посла, в Магнесию, Траллы и Кибиру, посещая празднества в честь богов – это могли быть Левкофриении в Магнесии-на-Меандре, Пифии и Олимпии в Траллах и Ромеи в Кибире (стк. 159–160) [Blümel et al., 2014, S. 151].

Далее говорится обобщённо, что Мосхион неоднократно избирался послом к царям и в полисы, всегда принося пользу своему народу (сткк. 164–166). Особенно выделяют посольства в Александрию, к царю Птолемею, и в Аравию, в Петру (сткк. 167–169). В Александрии Мосхион мог искать аудиенции у Птолемея VI Филометра (180–145 гг. до н.э.) или у Птолемея VIII Эвергета II (145–116 гг. до н.э.). Поводы могли быть разными – просьба о финансовой поддержке в связи с разорением или о помощи в строительстве гимнасия. Однако посольство Мосхиона в Петру, центр Набатейского царства, ещё более загадочно. Каковы были его цели и задачи? М.И. Ростовцев предполагает, что Мосхион ездил в Петру вложить средства в сирийскую торговлю, несмотря на то что Петра в предыдущие века не была крупным торговым центром [Rostovtzeff, 1941, vol. 2, p. 805]. Хотя Д. Маги возражает на том основании, что Мосхион совершал свои посольства в качестве феора, священного посла, из чего вытекает, что это была не деловая поездка [Magie, 1950, p. 1058]. А.Г. Грушевой также акцентирует внимание на должности Мосхиона как феора – неизвестно что могло привлечь священного посла в Петре [Грушевой, 2017, с. 118]. Однако авторы второго издания надписей Приены замечают, что посольство в Петру (равно как и в Александрию) было вызвано нуждой (*κατὰ τὴν χρεῖαν*) – значит, цели поездки были не культовые [Blümel et al., 2014, S. 151]. Другой аргумент предоставляет А. Асбёк, автор труда по государственному устройству и должностям Приены: он отмечает, что должности *πρεσβευτής* (посол по государственным делам) и *θεωρός* (священный посол) не сильно отличались друг от друга и один и тот же человек мог одновременно выступать как *πρεσβευτής*, так и *θεωρός*, указывая именно на Мосхиона как на пример такого совмещения дипломатических должностей (стк. 230, об этом речь будет ниже) [Asboeck, 1913, S. 115]. Более того, во фрагменте, относящимся к посольству в Аравию, не указано, что Мосхион ездил туда в качестве феора. Двумя строками выше его посольства в Александрию и Петру названы *πρεσβεῖαι*, т.е. дипломатические поездки по государственным делам (стк. 166). Так что финансовые цели посольства в Набатейское царство представляются наиболее вероятными – Приена после осады была разорена, и Мосхион был послан в Петру заработать торговлей денег. Отдельный вопрос – как Мосхион вёл дела, от имени полиса или как частное лицо. Возможно, полис вложился в предприятие и получил свою часть прибыли.

В тексте декрета особенно подчёркивается то, что Мосхион совершал посольства без обычно полагававшихся *ἐφοδία* (сткк. 162, 174), подорожных, или других способов обеспечения послов (сткк. 154–155). На основании этого О.Ю. Климов делает вывод, что Мосхиона избирали послом по причине того, что он часто исполнял эту должность безвозмездно [Климов, 2010, с. 44]. С. Дмитриев также отмечает, что чаще избирали на государственные должности тех граждан, которые совершали расходы из собственных средств, примером чему служит Мосхион [Dmitriev, 2005, p. 42]. В этом случае первостепенное значение для избрания на должность играла финансовая состоятельность гражданина.

⁵ Автор первого издания надписей Приены допускает такую мысль. См.: [Hiller von Gaertringen, 1906, S. XVIII].

После лакуны в тексте идёт третья часть, посвящённая деятельности Мосхиона на государственных должностях в области управления полисом. Фрагмент начинается с рассказа об участии Мосхиона в охране крепости на акрополе (сткк. 211–212). С какой военной опасностью этот эпизод связан – сказать сложно. Далее в декрете указывается год стефанефории Навсикрата, когда Мосхион был избран на должность ἀντιγραφεὺς, исполняя которую он «со всей заботой вёл счета» и решал дела полиса (сткк. 212–217). Успехи Мосхиона на должности ἀντιγραφεὺς, которую он исполнял «с выгодой для полиса», привели к переизбранию его на этот пост и в следующем году. А. Асбёк определяет должность ἀντιγραφεὺς как финансовую, отмечая при этом, что она пользовалась почётом. Из надписи видно, что должность была выборной и на неё допускалось переизбрание [Asboeck, 1913, S. 105]. После этого, сказано надписи, в Малую Азию прибыл с войском консул Марк Перперна, посланный в 130 г. до н.э. против Аристоники (*Liv. Periochae* 59; *Iust.* XXXVI. 4; *Oros. Adv. Pag.* V. 10). Пребывание Мосхиона в крепости двумя годами ранее (сткк. 211–212) может быть связано с Аристоникивой войной. Марк Перперна после победы устроил в Пергаме праздничные агоны и жертвоприношения, принять участие в которых консул пригласил представителей союзных полисов. Поздравить консула с победой от имени приенцев отпраздновал Мосхион, избранный послом и феором одновременно, – пример того, что эти должности могли совмещаться (сткк. 223–231).

В Пергам Мосхион поехал в составе делегации выдающихся граждан, о чём известно из декрета в честь Герода, сына Герода, который тоже был избран феором в посольство к Марку Перперне (*I. Priene* 109 / *I. Priene*² 65, сткк. 91–92). Подробности пребывания Мосхиона в Пергаме, к сожалению, скрыты лакуной. Текст снова начинается в самой торжественной части декрета, где говорится об избрании Мосхиона стефанефором Зевса Олимпийского и торжествах по этому поводу – Мосхион приносит жертвы Зевсу Олимпийскому, Гере, Афине Полиаде, Пану и устраивает пир для граждан, паройков, ксенов и даже для рабов (сткк. 251–263). Эта должность венчает многолетнюю политическую карьеру Мосхиона – его именем называется год (т.е. это эпонимная магистратура), что, несомненно, являлось величайшей честью для гражданина. А. Асбёк отмечает, что это была почётная должность, связанная с культовой сферой, – в обязанности стефанефора входило принесение жертвоприношений, скорее всего, за свой счёт. Административных функций эта должность не несла (в отличие от должностей стратегов или ἀντιγραφεὺς), являясь исключительно почётной. В первый день года стефанефор вступал в должность, в честь чего устраивал жертвоприношения и пир, которые описаны в декрете в честь Мосхиона [Asboeck, 1913, S. 83–84]. Как отмечает А.Х.М. Джонс, приводя в пример Мосхиона, в этот период становился общепринятым, чтобы почётные магистраты (особенно эпонимные) устраивали всенародные угощения и праздники за свой счёт [Jones, 1940, p. 234].

Завершается постановление т.н. формулой резолюции, в которой постановляется увенчать Мосхиона золотым венком, установить на самом видном месте города золотую и мраморную статуи Мосхиона, предоставить ему проедрию на всех агонах, питание в пританее и в Панионии, ателию, объявлять каждый год почести на агонах мальчиков – стандартный набор почестей (сткк. 314–347).

В исследованиях Мосхион предстаёт в первую очередь как каноничный богатый меценат, достигший положения финансовыми пожертвованиями. При этом упускаются из вида другие его достижения в общественно-политической жизни. Так, П. Вен отмечает, что Мосхион никогда не занимал должности в исполнительной власти, так как не был стратегом, предпочитая представительские должности – посла, священного посла, жреца Зевса [Veune, 1990, p. 106]. Но П. Вен упускает из виду два года работы Мосхиона в должности ἀντιγραφεὺς за руководством финансовой политики Приены. Ф. Готье вслед за П. Веном

пишет, что в декрете в Мосхион старался в первую очередь подчеркнуть свою эвергетическую деятельность в роли частного лица, но при этом отмечает пребывание Мосхиона в виде исключения в должности ἀντιγραφεὺς [Gauthier, 1985, p. 73].

Афинополид, брат Мосхиона, был удостоен куда более скромного по размеру надписи декрета (I. Priene 107 / I. Priene² 63), но зато первым. Ф.Р. Форстер указывает на то, что декреты в честь Афинополида и Мосхиона связаны единой концепцией образа идеального гражданина – более ранний декрет в честь Афинополида как бы предваряет основные идеи, выраженные в декрете в честь его брата. Кроме того, оба декреты схожи по языку и стилю – находившиеся по соседству на одной стене тексты ссылались друг на друга [Forster, 2018, S. 286–288]. При внимательном рассмотрении действительно заметно то, что некоторые фразы из декрета Афинополида встречаются в декрете Мосхиона – например, отсылки к добродетели предков (τῆς τῶν προγόνων ἀρετῆς; I. Priene² 63. 10; 64. 19–20), использование понятия πρόθεσις (намерение, в контексте декретов – к добродетели или благодеянию; I. Priene² 63. 14; 64. 101), отмечается благосклонность, εὖνοια, к народу (I. Priene² 63. 19; 64. 44 и 55). Декрет в честь Афинополида по своему содержанию состоит из общих фраз, описывающих идеал образцового гражданина, в то время как в декрете в честь Мосхиона этот концепт получил дальнейшее развитие – подобные фразы помещены в контекст биографии. В декрете в честь Афинополида «отчёт о деятельности», где помещались биографические сведения и деяния, отсутствует, чем и объясняется его краткость.

Афинополид, как известно из декрета в честь Мосхиона, принимал совместно с братом участие почти во всех актах финансовых помощи полису – возможно, поэтому не было нужды перечислять его благодеяния отдельно (декреты были взаимосвязаны друг с другом). О его государственной деятельности в декрете не сказано ничего, но мы знаем о ней из других источников. Первый – контракт продажи должности жреца Диониса Флеоса, которую купил Афинополид (I. Priene 174; I. Priene² 144). Заплатил он за священство 12 002 драм, вдобавок к этому ещё десятипроцентный сбор в размере 1200 драм. Вместе с этим культом, согласно контракту, Афинополид принимал под ответственность и остальные полисные культы Диониса – Мельпомена и Катагога, в его обязанности также входило проведение жертвоприношений богу и вознесение молитв за полис (сткк. 2–6, 16). Но обязанности были расписаны не столь подробно, как привилегии – кроме полагавшегося жрецу освобождения от «личного налогообложения», права питания в Пританее и в святилище Паниний (сткк. 5–8), для покупателя должности действовала своего рода «система бонусов». При покупке должности от 6000 драм, жрец Диониса освобождался от обязанностей организатора забегов с факелами, агонифета, гимнасиарха, разведения лошадей, организации священных посольств (сткк. 24–27). А при покупке от 12 000 драм жрец также освобождался от обязанности быть триерархом, ойкономом, неопоем, и от экстренного налога проεἰσφορά χρημάτων (сткк. 27–30). И что характерно, Афинополид заплатил за должность 12 002 драм – ровно на две драммы больше формально необходимой суммы, что говорит о стремлении Афинополида получить все причитающиеся привилегии. И это немалая сумма – все совместные пожертвования братьев исчисляются немногим более этого (если исходить из дошедших частей декрета Мосхиона). А за должность жреца Диониса семья за выложила почти такую же сумму. Это служит убедительным подтверждением тезиса В. Тарна о том, что в эллинистическом полисе богатые граждане хотели не платить полису налоги, а давать деньги по своему желанию [Тарн, 1949, с. 114]. Афинополид, очевидно, стремился освободиться от тягостных и дорогостоящих обязанностей, хотя и не отказывался от поддержки родного полиса – вместе с братом он проявил себя щедрым жертвователем, но, по всей видимости, он предпочитал решать сам, давать деньги полису или же нет.

Второй источник – это плохо сохранившийся почётный декрет в честь иностранцев, где упоминается, что Афинополид, сын Кидима, был избран послом для какой-то дипломатической миссии (I.Priene 138 / I.Priene² 40).

Ещё больше подробностей дают другие документы из Приены, в которых личность Афинополида раскрывается в контексте его семейных связей. О семье Афинополида мы узнаём благодаря найденному при раскопках постаменту групповой скульптуры, посвящённой Филинней, женой Афинополида. На постаменте стояли изваяния Кидима – сына Афинополида и Филинны, Харботеры – дочери Пифотима, жены Кидима и невестки Филинны, и Зоиллиды, дочери Афинополида и Филинны (имя мужа Зоиллиды, к сожалению, испорчено). Сами статуи не сохранились, но подписи на постаменте сообщают, кто был изображён, их семейные связи и должности (I.Priene 162 / I. Priene² 168). Кидим, сын Афинополида, занимал должность жреца Диониса Флеоса (I. Priene² 168B), которую, по всей видимости, унаследовал от отца. Харботера, дочь Пифотима (I. Priene² 168A), и Зоиллида, дочь Афинополида (I.Priene² 168C), указаны как бывшие жрицы Афины Полиады – возможно, существовал предельный возраст для занятия этой должности, например, до замужества. Отец Харботеры и тесть Кидима Пифотим в посвящении алтаря Дионису (установлен в театре) указан как агонифет Диониса (I. Priene 175 / I. Priene² 181).

На основании данных надписей складывается такая картина: в культовой сфере Приены на протяжении двух поколений утвердился «клан» Афинополида. Афинополид руководил культом Диониса вместе со сватом, Пифотимом, и передал жреческую должность по наследству своему сыну. А дочери Афинополида и Пифотима занимали должности жриц Афины. Таким образом, значительная часть культовой жизни Приены контролировалась членами двух родственных семей, составлявших один «клан». Был близок к религиозным делам и Мосхион – он занимал должность стефанефора Зевса Олимпийского, что можно назвать годовым жречеством, при вступлении в которую и в течение года он приносил жертвы богам. С этим, несомненно, связано то, что в декрете в честь Мосхиона благочестие особенно часто упоминается в числе присущих ему добродетелей (сткк. 15–16, 29–30, 251, 328).

Для понимания положения Мосхиона и Афинополида в обществе Приены следует проанализировать размер их денежных трат в соотношении с доходами обычных граждан греческого полиса. Мосхион совместно с братом дали городу 11 463 драхм – это только учитывая траты, дошедшие до нас в тексте, при том что часть текста испорчена. Кроме того, дарение хлеба, расходы на дипломатические миссии и строительство тоже требовали денег, суммы которых в тексте не указаны. Афинополид заплатил за жречество Диониса 13 202 драхмы. Для сравнения можно привести некоторые из известных годовых доходов той эпохи. Так, граждане Коса в 204–201 гг. получали на военной службе 151 драхм жалования в год (IG XII. 4 I. 75. D. 318–320). Прожиточный минимум в год на Делосе в 179 г. до н.э. составлял 120 драхм в год – за него берётся годовое жалование неокоров в делосском Серапейоне⁶, по 2 обولا в день, которое Ф. Джевонс считает минимально необходимым на питание [Jevons, 1895, p. 246]. Приняв за стандарт аттическую монетную систему, пересчитаем траты братьев в годовые доходы средних греческих граждан. Перечисленные пожертвования Мосхиона Приене за все годы составляют около 76 жалований косских солдат и 95,5 годовых прожиточных минимумов на Делосе. Взяв стандартное годовое пожертвование в размере 1000 драхм, мы получаем 6,6 жалований на Косе и 8,3 прожиточного минимума на Делосе. Эти цифры не кажутся большими, однако следует понимать, что Мосхион 1000 драхм отдавал за раз, и это было не более чем одна десятая от его наличных средств. Цена же жреческой должности, уплаченная Афинополидом, исчисляется 87,4 жалованиям солдат на Косе и 110 прожиточным минимумам на Делосе. Для простых

⁶ νεοκόρων εἰς Σαραπιεῖον Ἀμύναι ΗΔΔ (ID 442 A. 196).

граждан Приены это было большим состоянием, однако на фоне дарений эллинистических царей суммы выглядели весьма скромными. Если перевести известные пожертвования Мосхиона в таланты, они составят 1,9 таланта, а стоимость жречества Диониса составляет 2,2 таланта. При этом Птолемей III после опустошительного родосского землетрясения в 226 г. до н.э. пообещал родосцам в качестве помощи 300 талантов серебром, из которых 100 выделил сразу. 100 талантов обещал дать царь Антигон (*Polyb.* V. 89). В самой Приене на хранении находились 400 талантов царя Ороферна. На этом фоне дары Мосхиона и Афинополида, как и их состояния, кажутся незначительными. Но важно понимать, что в первую очередь их вклад и состояние оценивались согражданами в масштабах их родной общины. Сравнение братьев с другими эвергетами эллинистической эпохи показывает, что их состояние было стандартным для представителей их имущественного класса. Так, в середине III в. до н.э. Поликрит из Эритра дал полису займы 6000 драхм (*I. Ery.* 28. 19–41). В это же время Булагор из Самоса ссудил родному полису тоже 6000 драхм на организацию посольства в Александрию Египетскую (*IG XII.* 6 1. 172. 25–36). В 200/199 г. до н.э. в Милете Эвдем, сын Таллия, с двумя братьями жертвует на создание школьного фонда 10 талантов (*SEG XIV.* 742). Последняя сумма превосходит траты Мосхиона и Афинополида, но следует понимать, что возможности Эвдема как гражданина богатого торгового центра были больше. Что же касается Приены, то отмечает М.И. Ростовцев, она не была городом богатых людей – таковых было мало, и они, как правило, удостоивались почестей. Это был небольшой процветающий сельскохозяйственный город, населённый землевладельцами, ремесленниками и торговцами [*Rostovtzeff*, 1941, vol. 1, p. 178]. Очень большим средствам здесь было неоткуда взяться, но то состояние, которое было у Мосхиона и Афинополида, среди их сограждан считалось большим. Как минимум оно соответствовало имущественному цензу для исполнения литургии триерархии, если примерять афинские реалии IV в. до н.э., согласно которым ценз составлял 3–4 таланта при годовых расходах на триерархию от 4000 до 6000 драхм [*Davies*, 1981, p. 82].

При этом за пределами риторики декретов остаётся источник их доходов. Естественно будет предположить, что Мосхион и Афинополид владели поместьями на хоре Приены, расположенной в плодородной долине Меандра, в которых работники выращивали зерно, виноград или оливки. На этот источник богатства Мосхиона и Афинополида указывает П. Тонеманн, согласно которому в долине Меандра и в западной Малой Азии в целом клеры, принадлежащие рядовым гражданам полисов, начинают продаваться и концентрироваться в руках богатых граждан, составляя в сумме большие латифундии. В то же время пожалования царями земли своим приближённым тоже производились по такой же схеме – такие земельные пожалования приписывались к хоре того или иного полиса [*Thonemann*, 2011, p. 249]. Другой возможный источник дохода – хлебная торговля. На это намекают многочисленные дарения хлеба городу в условиях, когда неурожай постигал всю округу Приены, поместья братьев одинаково страдали от неурожая. Следовательно, зерно они где-то покупали. Третий вариант – торговля ремесленными изделиями и товарами роскоши. На эту мысль наводит путешествие Мосхиона в Петру, где он мог вести дела не только в интересах города, но и вести собственный бизнес. Предметом его интереса могли стать специи и благовония, которые можно было выгодно продать на родине в Ионии.

Исследование, предпринятое в этой статье, позволяет сделать следующие выводы. В первую очередь, в конце II в. до н.э. в Приене происходит возвышение местной элиты, выделение отдельных граждан из общей массы народа. Это проявляется на уровне полисной идеологии – в новом портике возле храма Афины (т.н. «Священный зал») специально на стене выделяется место для декретов в честь выдающихся граждан, и первыми декретами, вывешенными там, были декреты Афинополида и Мосхиона. Декреты в честь

граждан Приены в конце IV и в III вв. до н.э. были короче, и почитались в них граждане, проявившие себя на государственной службе или на поле боя, а не те, кто подарил городу большие суммы денег. Таковы декреты в честь Апеллиса, секретаря коллегии стратегов (I. Priene 4 / I. Priene² 19), в честь фрурархов Нимфона, Биаса, Геликона, Фрасибула (I. Priene 19–23, 252 / I. Priene² 21–26), в честь полководца Сотата (I. Priene 17 / I. Priene² 28). Причиной отхода от этой традиции могли стать тяжёлые финансовые обстоятельства. Как отмечает Л. Мижо, Приена во II в. до н.э. потеряла часть своих территорий, занятых Самосом, Милетом и Магнесией [Migeotte, 1984, p. 296]. Также нанесённое Ариаратом разорение должно было серьёзно отразиться на экономике полиса. Помощь состоятельных граждан стала жизненно важной для полиса.

Своё богатство представители элиты тратили на поддержку полиса в виде даров или займов, конвертируя тем самым деньги в политический капитал и влияние, что выражалось в избрании на государственные должности или в покупке жречества. Особенное место в политической карьере представителей знати занимает внешнеполитическая деятельность, что прослеживается во многих почётных декретах этой эпохи). Кроме престижа к занятию дипломатией представителей полисной элиты подталкивало то, что они легче находили общий язык с дворами эллинистических царей и с римской аристократией, заседавшей в Сенате [Scholz, 2008, S. 76–77, 83–87].

Очень важны показанные в статье семейные связи – они наглядно показывают (и этот вывод следует распространить не только на Приену), что знатные и богатые семьи сотрудничали друг с другом, скрепляя связь семейно-брачными узами и организуя тем самым «кланы». Но это не были семьи, единолично распоряжавшиеся жизнью города – в греческих полисах были развиты традиции политической жизни, и за влияние конкурировал не одна семья. В Приене примером этому является Герод, сын Герода, представитель другой знатной семьи, выдвинувшийся вперёд в политике в следующем десятилетии (120-е гг. до н.э.). В его почётном декрете словно ведётся соревнование с Мосхионом – подчёркивается, что он дважды занимал должность стефанефора и получил в свою честь на одну статую больше [Forster, 2018, S. 294].

Семья была важна для полисной элиты и в другом плане – по наследству передавались авторитет и социальное положение. Об этом свидетельствует факт наследования жречества Диониса Кидимом, сыном Афинополида (I. Priene² 168B). Это было начало «аристократизации» полисной элиты – окончательно этот процесс завершится уже в эпоху римской Империи [Quaß, 1993, S. 71].

Эти тенденции получают своё развитие в Малой Азии уже в римскую эпоху. В конце II в. до н.э. оформляются социальные отношения, в которых ведущую роль играют семьи эвергетов, наглядным примером чему служит деятельность Мосхиона и Афинополида.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ/ ABBREVIATIONS

ID – Durrbach F. et al. *Inscriptions de Délos*. Paris: Académie des inscriptions et belles-lettres, 1926–1950.

I. Ery. – *Die Inschriften von Erythrai und Klazomenai*. T. 1–2. Bonn: R. Habelt, 1972–73.

IG XII 4 1 – Bosnakis D., Hallof K., Rigsby K. *Inscriptiones Coi insulae: decreta, epistulae, edicta, tituli sacri*. Berlin: De Gruyter, 2010.

I. Priene – Hiller von Gaertringen F. *Die Inschriften von Priene*. Berlin: G. Reimer, 1906.

I. Priene² – Blümel W., Merkelbach R., Rumscheid F. *Die Inschriften von Priene*. T. 1–2. Bonn: R. Habelt, 2014.

SEG – *Supplementum Epigraphicum Graecum*. Vol. I–... Leiden, Boston: Brill, 1923–...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

Грушевой А.Г. Внешнеполитический аспект деятельности эвергетов греческих полисов (по данным почётных декретов II в. до н.э.). *Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира*. Под ред. Э.Д. Фролова. СПб, 2017. Вып. 17(2). С. 109–124 [Grushevoy A.G. The Foreign Policy Aspect of Activities of the Greek Cities' Benefactors (According to the Data of Honorary Decrees of the 2nd Century BC). *Mnemon: Investigations and Publications on the History of Ancient World*. E.D. Frolov (ed.). Saint Petersburg, 2017. No. 17(2). Pp. 109–124 (in Russian)].

Климов О.Ю. Полисный строй и демократия в городах Малой Азии эпохи эллинизма. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История*. 2010. С. 39–47 [Klimov O.Yu. Polis Democracy in the Hellenistic Cities of Asia Minor. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2010. Pp. 39–47 (in Russian)].

Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М: Издательство иностранной литературы, 1949 [Tarn W.W. *Hellenistic Civilisation*. Moscow: Izdatelstvo inostrannoi literatury, 1949 (Russian translation)].

Asboeck A. *Das Staatswesen von Priene in hellenistischer Zeit*. Diss. München, 1913.

Blümel W., Merkelbach R., Rumscheid F. *Die Inschriften von Priene*. T. 1. Bonn: Habelt, 2014.

Davies J.K. *Wealth and the power of wealth in classical Athens*. New York: Arno Press, 1981.

Dmitriev S. *City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor*. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Forster F.R. *Die Polis im Wandel. Ehrendekrete für eigene Bürger im Kontext der hellenistischen Polisgesellschaft*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2018.

Gauthier Ph. *Les cités grecques et leurs bienfaiteurs (IVe – Ier siècle avant J.-C.): contribution à l'histoire des institutions*. Bulletin de correspondance hellénique, supp. 12. Paris: École française d'Athènes, 1985.

Hiller von Gaertringen F. *Die Inschriften von Priene*. Berlin: G. Reimer, 1906.

Jevons F.B. Work and Wages in Athens. *The Journal of Hellenic Studies*. 1895. Vol. 15. Pp. 239–247.

Jones A.H.M. *The Greek City from Alexander to Justinian*. Oxford: Clarendon Press, 1940.

Magie D. *Roman Rule in Asia Minor*. Princeton: Princeton University Press, 1950.

Migeotte L. *L'emprunt des biens publics dans les cité grecques*. Quebec: Les Éditions du Sphinx; Paris: Les Belles Lettres, 1984.

Quaß F. *Die Honoratiorenschicht in den Städten des griechischen Ostens*. Stuttgart: Franz Steiner, 1993.

Rostovtzeff M. *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vol. 1–2. Oxford: Clarendon Press, 1941.

Scholz P. Die „Macht der Wenigen“ in den hellenistischen Städten. *Historische Zeitschrift*. 2008. Bd. 47. S. 71–99.

Thonemann P. *The Maeander Valley: a historical geography from antiquity to Byzantium*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Veyne P. *Bread and circuses: historical sociology and political pluralism*. London: Penguin, 1990.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АНТОНОВ Александр Александрович –
преподаватель СПбГПМУ, Санкт-Петербург,
Россия.

Alexander A. ANTONOV, Lecturer, SPbSPMU,
Saint Petersburg, Russia.